

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, №2

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, №2

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, №2

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Дашковский П.К. Вторичные захоронения в погребальной обрядности пазырыкской культуры Алтая: результаты исследования и интерпретация	7
Суслова С.В., Донина Л.Н. Ювелирные украшения волго-уральских татар в контексте этнокультурных традиций Евразии: итоги этнолого-технологического исследования	40
Подушкин А.Н., Стамкулова Г.А. Погребальные сооружения и археологические комплексы могильника Кызылколь 1 (по материалам раскопок 2022 г.)	59
Добжанский В.Н., Ермолаев А.Н., Горлыкин Н.Е. К проблемам раннего этапа освоения русским населением бассейна реки Иня в Кузнецкой котловине в конце XVII — начале XVIII в.	74

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Альбедиль М.Ф. Непал: этноконфессиональная мозаика	97
Досмурзинов Р.К. Обычай давра в похоронной обрядности казахского народа	115
Дробышев Ю.И. Представления о целях вторжения Чингис-хана в страны ислама в мусульманской историографии до 1260 г.	126
Файзуллина Г.Ч., Кадирова Э.Х. Махр как условие заключения никаха у тюрко-татарского населения Тобольской губернии в XIX — начале XX в. (по материалам метрических записей)	142
Ли Хуэй. Мифологическое существо Лун в китайской коллективной культурной памяти	156
Сень Д.В. Первый Северо-Кавказский съезд горских евреев в Нальчике (1926 г.)	166

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Хаймурзина М.А. Особенности распространения конфуцианских храмов в период чжурчжэньского государства Цзинь	183
Монгуш А.В. Атеистическая пропаганда в Туве как элемент государственно-конфессиональной политики СССР в 1954–1964 гг.	198
Шмакова А.С., Шутова М.А., Кравцова А.Д. Трансформация статуса буддизма на Корейском полуострове в период Корё (918–1392) и первой половине Чосон (1392–1600)	220

ДЛЯ АВТОРОВ

238

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, №2

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Dashkovskiy P.K.</i> Secondary burials in the funeral rituals of Pazyryk culture of Altai: research results and interpretation	7
<i>Suslova S.V., Donina L.N.</i> Jewelry of the Volga-Ural Tatars in the context of the ethno-cultural traditions of Eurasia: the results of the ethnological and technological research	40
<i>Podushkin A.N., Stamkulova G.A.</i> Funeral structures and archaeological complexes of the Kyzylkol 1 burial ground (based on materials from excavations in 2022)	59
<i>Dobzhanskii V.N., Ermolaev A.N., Gorlyshkin N.E.</i> On the Issue of the Early Stage of Russian Colonization of the Inya river basin in the Kuznetsk basin at the Late 17 th and Early 18 th Centuries.....	74

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Albedil M.F.</i> Nepal: an ethno-religious mosaic	97
<i>Dosmurzinov R.K.</i> The Kazakh folk custom of davra	115
<i>Drobyshev Yu.I.</i> Ideas about the goals of Chingis Khan's invasion to the countries of Islam in Muslim historiography before 1260	126
<i>Faizullina G.C., Kadirova E.H.</i> Mahar as a condition for concluding a nikah among the Turkic-Tatar population of the Tobolsk province in the 19 th — early 20 th centuries (based on metric records).....	142
<i>Li Hui</i> The mythological creature Lun in chinese collective cultural memory.....	156
<i>Sen' D.V.</i> I North Caucasian Congress of Mountain Jews in Nalchik (1926).....	166

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSITIONAL RELATIONS

<i>Khaymurzina M.A.</i> Specifics of Confucian temples' spread during the Jurchen state of Jin	183
<i>Mongush A.V.</i> Ftheistic propaganda in Tuva as an element of the state-confessional policy of the ussr in 1954–1964	198
<i>Shmakova A.S., Shutova M.A., Kravtsova A.D.</i> Transformation of the status of Buddhism on the Korean peninsula during the periods of Goryeo (918–1392) and the first half of Joseon (1392–1600)	220

FOR AUTHORS.....238

УДК 397.4

DOI 10.14258/nreur(2025)2-09

Ли Хуэй

Северо-восточный университет, Шэньян (КНР)

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО ЛУН В КИТАЙСКОЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Как один из важнейших культурных символов китайской нации, мифологическое существо Лун в первую очередь должен быть исследован с точки зрения его истории и механизма изменения культуры. Многомерная культура Луна, существующая среди различных этносов Китая, в процессе взаимодействия и взаимовлияния постоянно усиливает свою значимость как элемент общей культурной памяти. Культура Луна проявляется как в рамках официальной культуры, так и в народных обрядах, что отражает сильную центростремительную силу китайской нации. Общая память о поклонении драконам и их убийстве придает культуре Луна историческую жизнеспособность. В отличие от подобных мифологем других культур, китайская традиция наделяет образ Луна особым возвышенным смыслом, отражающим характерную для китайской цивилизации установку на гармоничное взаимодействие с природой через оптимистичное мировосприятие. Эта эстетико-философская доминанта проявляется в стремлении к символическому примирению с естественным порядком вещей, где Лун выступает медиатором между человеком и космосом.

Ключевые слова: культурная память, китайская нация, культура Луна, механизм обмена.

Цитирование статьи:

Ли Хуэй. Мифологическое существо Лун в китайской коллективной культурной памяти // Народы и религии Евразии. Т. 30. № 2. С. 156–165. DOI 10.14258/nreur(2025)2-09.

Ли Хуэй, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка Северо-восточного университета, Шэньян (КНР). **Адрес для контактов:** 13938965531@163. com; <https://orcid.org/0009-0009-5722-7381>.

Li Hui*Northeastern University, Shenyang (China)*

THE MYTHOLOGICAL CREATURE LUN IN CHINESE COLLECTIVE CULTURAL MEMORY

As one of the most important cultural symbols of the Chinese nation, the Moon should initially be studied from the perspective of its history and the mechanism of cultural exchange. The multidimensional Moon culture existing among various ethnic groups of China constantly increases its significance as an element of common cultural memory in the process of interaction and mutual influence. The Moon culture manifests itself both within the framework of official culture and in folk rituals, which reflects the strong centripetal force of the Chinese nation. The common memory of Moon worship and killing gives the Moon culture endless historical vitality. Unlike lunar mythologemes of other cultures, the Chinese tradition endows the image of the Moon with a special sublime meaning, reflecting the attitude towards harmonious interaction with nature through an optimistic worldview, characteristic of the Chinese civilization. This aesthetic and philosophical dominant is manifested in the desire for symbolic reconciliation with the natural order of things, where the Moon acts as a mediator between man and the cosmos.

Keywords: cultural memory; Chinese nation; Lun culture; exchange mechanism

For citation:

Li Hui. The mythological creature Lun in chinese collective cultural memory. Nations and religions of Eurasia. 2025. T. 30. No. 2. P. 156–165 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)2–09

Li Hui, PhD in Philology, lecturer at the Russian Language Department, Northeastern University, Shenyang (China). **Contact address:** 13938965531@163. com; <https://orcid.org/0009-0009-5722-7381>

Введение

В процессе исторического развития и этнокультурной интеграции Китая образ Луны стал неотъемлемой частью системы верований и духовного мира китайской нации. Как архетипический символ традиционной китайской культуры мифологическое существо Лун выполняет функции этнокультурногоtotема и уникального идентификационного маркера китайской цивилизации. Несмотря на значительный объем исследований данной темы, в научном сообществе сохраняются дискуссионные вопросы, требующие дальнейшего изучения: существовали ли они в реальности и каковы были их возможные физические формы; какие животные послужили основой для формирования мифологического облика Луна; причины параллельного существования традиций сакрального почитания Луна и ритуалов их символического уничтожения. Поливалентная семантика китайской драконьей культуры, включающая множественные,

подчас парадоксальные значения, обуславливает ее устойчивую релевантность в качестве важного консолидирующего фактора для различных этнических групп Китая.

В центре нашей работы находятся «причины» и «процесс» становления Луна в качестве уникального культурного символа китайской цивилизации, анализируемые сквозь призму концепции «культурной памяти» (Ян Ассман).

В последние годы проблемы культурной памяти и этнокультурной идентичности привлекают широкое внимание исследователей. Благодаря «коллективной памяти» М. Хальбвакса [2005] и «социальной памяти» Пола Коннэртона [1989], теория памяти постепенно обратилась к изучению «культурной памяти». Немецкие ученые Ян Ассманн и Алейде Ассман считают, что культурная память, сконструированная внешним обществом, может рассматриваться как внутренняя движущая сила преемственности общества и культуры [Ассман, 2004]. Ю. М. Лотман подчеркнул зависимость культурной памяти от символов. По его мнению, «культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т. е. надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений [текстов] и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, т. е. пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы...» [Лотман, 1992: 201]. Китайская культура Луна может рассматриваться как символ культурной идентичности, играющий важную роль в формировании и поддержании непрерывности этнокультурной самобытности.

С синхронной точки зрения, субкультура Луна различных этнических групп Китая составляет культуры Луна китайского народа в целом. Эти субкультуры Луна часто различны или даже противоречивы, но они неоднородны среди этнических групп. Субкультуры Луна различных этнических группах Китая могут взаимодействовать друг с другом. В процессе взаимного влияния и ассимиляции они сохраняют характер и отпечаток своих этнических групп, участвуя в создании и укреплении общей китайской национальной культуры Луна.

В диахроническом плане, в силу двойственности процессов забывания и сохранения, культурная память постоянно меняется. Во время «уничтожения» и «сохранения» культура мифологического существа Луна как общая память общества непрерывно пробуждается и обновляется в повседневных ритуалах и постепенно обретает долгосрочную жизнеспособность.

Священная и светская культурная память

Культурная память китайской нации о Луне может помочь нам глубже понять изменчивые и сложные аспекты китайской культуры. Накопленный смысл этого символа, ассоциирующегося с общностью и единством, позволяет нам почувствовать древние традиции и ценности, которые формировались в китайском обществе на протяжении многих веков.

Образ Луна как национального символа китайской нации впервые был использован китайским ученым Вэнь Идуо. В своей фундаментальной работе «От изображений человека-змей к проблеме Луны и тотема» (《从人首蛇身像谈到龙与图腾》) исследователь ввел понятие «тотем Луна», предложив его комплексную морфологическую характеристику. Согласно Вэнь Идуо, в китайской культуре Лун представляет собой мифо-

логическое существо, сочетающее змеиное тело, лошадиную голову, конечности четырехногих животных, хвост игуаны, орлиные когти, рыбью чешую, креветочные усы [Вэнь Иду, 1948: 3]. Однако исторический анализ показывает, что этот образ претерпевал значительную эволюцию. Еще в I в. н. э. ханьский философ Ван Чун в своем трактате «Критические рассуждения» (《论衡》) давал иную иконографическую интерпретацию, описывая Лун как существо с головой лошади, змеиным хвостом [Хуан Хуэй, 1983: 278]. Новый этап в развитии этого образа наступил в период Пяти династий и Десяти царств (907–979 гг.), когда сформировалась каноническая формула описания Луна с использованием «трех соединений» (небесное, земное и водное) и «девяти подобий» [Лю Чжисюн, Ян Цзинжун, 1992: 299].

В монографии «Лун и феникс» (《龙凤考》, 1948) Вэнь Иду подчеркивает, что Лун и феникс традиционно олицетворяли верховную власть и привилегированный статус [Вэнь Иду, 1948: 69–70]. Исторически сложилось так, что образ Луна действительно стал символом императорской власти в Китае.

Начиная с эпохи Цинь и Хань, изображение Луна превратилось в неотъемлемый атрибут власти правителя, что явилось следствием политической монополии. Исключительное право на использование драконьей символики в одежде и регалиях было закреплено за императором, тогда как частное употребление этих образов строго запрещалось. Несмотря на императорские ограничения, образ Луна продолжал широко бытовать в народной культуре, став неотъемлемым элементом повседневных верований и обрядов различных этнических групп. Как справедливо отмечает А. Ассманн, «праздники и обряды, повторяемые с определенной регулярностью, служат для передачи и распространения знаний, укрепляющих идентичность и культурную самобытность. Ритуальное повторение способствует единству группы во времени и пространстве» [Ассман, 2004: 60]. Ярким примером такого синтеза сакрального и светского аспектов культуры Лун является праздник Лунтайтоу («День, когда Лун поднимает голову»), отмечаемый второго числа второго месяца по лунному календарю. Этот важнейший в традиционном календаре праздник, посвященный пробуждению повелителя водной стихии, включает традиционные танцы Луна и львов, гонки на драконьих лодках, приготовление ритуальных блюд с символическими названиями: «усы Луна» (лапша), «икра Луна» (рис), «ушки Луна» (пельмени), «чешуя Луна» (блины). Эти коллективные ритуальные практики выполняют важную социокультурную функцию, обеспечивая непрерывную актуализацию и трансляцию драконьей символики как ключевого элемента национальной идентичности китайского народа.

В традиционном мировоззрении ханьцев образ Луна связан с имперской властью и в основном ассоциируется с водными божествами. Лун у хань обитает в озерах, реках или морях, а его форма в виде парящих облаков и тумана напоминает гром, молнию и темные облака, связанные с дождем. В силу своего относительно свободного духа, образ Луна в представлении народностей этнических меньшинств обычно принимает разнообразные формы. Он воплощается в талисманах и рассматривается как защитник в повседневной жизни людей.

По сравнению с этническими меньшинствами на севере, культура Лунов этнических меньшинств на юго-западе более заметна. К предметам, которые этнические группы

юго-запада часто считают воплощением Луны, относятся гром и молния, пламя, скамейки, вода, камни, деревья, рыбы, тигры, крабы, головастики, овцы, куры, крокодилы, ящерицы, многоножки, шелкопряды, олени и другие живые и неживые существа [Ян Чжэнцюань, 1997: 62].

В качестве примера можно привести национальность мяо. Образ Луны у этого народа представляет собой богов воды, земли, семьи, деревни, предков и плодородия. Он управляет горами, лесами, полями, почвой, охраняет дом, защищает деревню и способствует рождению детей. Его основное место жительства находится не в реках, озерах или морях, а в домах, деревнях, горах, прудах, рисовых полях и колодцах [Лу Мин, 2007: 55].

От средств передвижения императоров, богов, которые общаются между небом и землей во время жертвоприношений, до рисунков Луны на одежде, к которой публике не разрешается прикасаться, «божественность» Луна очевидна. С одной стороны, правители всегда стремились к тому, чтобы изображения Луны были исключительной собственностью королевской семьи. Из поклонения и страха перед императорской властью древние люди обычно называли образы Лунов «большими» и «сильными» предметами в жизни. Люди национальности мяо «имеют привычку называть чрезвычайно крупных существ Лунами. Большую рыбу называют Луном, а большую многоножку также называют Луном» [Ли Чжунъюань, 2011: 45].

Монополия императора и интерпретация Луна людьми различных этнических групп Китая вместе создавали многогранное значение драконовой культуры. Традиции и народные верования превращают Луну в символ, который объединяет людей с помощью периодически проводимых публичных жертвенных ритуалов, фестивалей и других культурных мероприятий, формируя коллективную культурную память китайской нации.

А. Ассман различает «функциональную память» и «память-хранилище» [Ассман, 2015: 151]. Память-хранилище представляет собой контейнер памяти, содержащий все необходимые знания, включая временно бесполезные элементы. Функциональная память может быть активирована конкретным предметом, придавая ему значение и устанавливая идентичность. Оба режима памяти поддерживают высокую степень взаимопроникновения и непрерывности.

Что касается культурной памяти о Луне в китайской нации, то он является не только продуктом феодальной централизации Китая, но и повседневным символом анти-монополии в гражданской жизни. В начале XX в., в критический момент национальной идентичности Китая, богатые коннотации Луны были признаны учеными-патриотами с сильным национальным сознанием. Призыв Вун Иду способствовал «реконструкции» и «изобретению» традиции национального государства. Двойные атрибуты священности и светскости, связанные с Луном, отражают позитивное взаимодействие функциональной памяти и памяти-хранилища, демонстрируя способность к самообновлению.

Культурная память об убийстве Луна и поклонении Луну

В китайской культурной традиции образ Луна, сочетающий в себе доброжелательность и свирепость, порождает двойственное отношение к нему. Эта двойственность находит отражение в параллельном существовании культов поклонения Луну и ритуа-

лов его уничтожения. Согласно исследованию Лан Ин, «у этнических групп Синьцзяна, особенно северных регионов, сложился уникальный культурный взгляд на Луну, радикально отличающийся от представлений ханьцев Центральных равнин и южных народностей. В их мифологии Лун предстает как свирепый и злоказненный дух, что привело к доминированию концепции «убийства Луны» над традицией его почитания» [Лан Ин, 1995: 56]. Примечательно, что нарративы об убийстве Луны у синьцзянских этносов демонстрируют удивительное сходство с западноевропейскими легендами о драконоборстве, что отражает особенности культурного взаимодействия Востока и Запада в этом регионе. При этом мотивы зловредности этих существ встречаются и в фольклоре ханьцев Центральных равнин, а также у таких народностей, как бай и хэчжэ. Ли Юнпин, анализируя двойственное отношение людей к Лунам, отметил: «В ранних фольклорных и мифологических традициях различных этносов описывались опасные животные, угрожавшие их существованию. Эти образы синтезировались в сибирательный образ Лун — мифологического «козла отпущения», на которого возлагалась ответственность за различные катастрофы. После преодоления кризиса Лун трансформировался в божественного посредника между небом и землей. Таким образом, «убийство Луны» и «поклонение Луну» представляют собой две стороны единого культурного механизма» [Ли Юнпин, Фань Вэнь, 2018: 58]. Следует отметить, что существующие антропологические объяснения этой дуальности не раскрывают глубинных причин параллельного бытования этих противоположных культов в ритуальной практике различных этносов Китая. Особого внимания заслуживает вопрос о том, почему со временем концепция Чунлун (почтания Луны) приобрела доминирующее положение, что особенно ярко проявляется в современной культурной системе.

В контексте современной культурной парадигмы убийство Луны и поклонение Луну представляют собой диалектическое единство, исторически присущее этнокультурным традициям Китая. Существующие антропологические интерпретации, фокусируясь на генезисе этих явлений, упускают из виду их системную взаимосвязь и культурно-историческую динамику.

Как социально конструируемый элемент культурной памяти, взаимоотношения между Луном и человеческим сообществом — будь то антагонистические или гармонические — формируются через глубинные духовные взаимосвязи и проявляются как динамичная культурная парадигма. Этот феномен находит теоретическое обоснование в семиотической концепции культуры Ю. М. Лотмана, который подчеркивал: «Ни одна изолированная символическая система, сколь бы совершенной ни была ее организационная структура, не способна сформировать культуру. Минимально необходимый культурный механизм требует наличия как минимум двух взаимосвязанных символических систем... Сущностной характеристикой культуры является ее принципиальная гетероглоссия» [Лотман, 992, т. 1].

С этой точки зрения, базовый механизм культурной памяти функционирует по принципу многоканальной системы, где полифоничность смысловых структур выступает в качестве перманентного источника ее динамического развития. Данный феномен находит концептуальное отражение в бахтинской теории «многоголосия», акцентирующющей диалогическую природу культурного бытия. Исторически сложившаяся

в Китае модель «великого единения» способствовала формированию общенационального сознания. Однако внутренняя структура этого коллективного сознания полна «рикошетных» и оппозиционных голосов. Эти противоречивые избыточные силы формируют существование Луны. Уникальный «возвышенный» эстетический стиль и «виртуальные» физические характеристики изображения Луны позволяют этому культурному символу адаптироваться к высшим и низшим классам. Двойные потребности имеют сильную толерантность и пространство для интерпретации. «Таинственный террор лишь сочетает с неудержимой и огромной исторической силой, может стать прекрасными, возвышенными» [Ли Цзэху, 2012: 57]. «Возвышенная» красота вызывает обратное расширение и активацию человеческой души [Кант, 2002: 83].

В китайской культуре повествования об убийстве Луна и поклонении ему неизменно связаны с «водой». В древнем Китае основным занятием является сельскохозяйственное производство. Культ Луны особенно популярен в южных регионах, что отражает сельскохозяйственные и социально-психологические потребности китайской нации. Лун символизирует стремление людей всех национальностей к «хорошой погоде». Два отношения к Лунам также отражают двойственное отношение людей к «природе». В древние времена потребности людей в выживании постоянно усиливались благодаря постоянному появлению Луны, тесно связанных с повседневной жизнью. Китайская национальная культура Лунов постепенно сформировала «сплоченную структуру». Каждая культура образует «сплоченную структуру», которая служит связующим звеном и оказывает объединяющий эффект. Сплоченная структура соединяет прошлое и настоящее, формируя краеугольный камень чувства принадлежности и идентичности национального субъекта [Ассманн, 2004: 6]. Культура Луны в китайской нации сформировала сплоченную структуру, в которой доминирует поклонение Луну. Долгосрочное сосуществование и постепенное объединение культурного менталитета отражают сильную тенденцию китайской нации к сплочению и единству.

Таким образом, Лун является не только символом статусной монополии древних императоров, но и стимулирует антитабиистскую психологию широкой публики. С другой стороны, это также связано с внедрением и влиянием иностранных культур, таких как буддийская культура и западные изображения Лунов. Многие ученые обнаружили, что появление историй об убийствах Лунов среди ханьцев связано с процессом секуляризации Луны после появления буддизма. Истории о Нечже и других народных героях, убивающих Луну, воплощают дух наказания зла и продвижения добра, сопротивления народным представлениям о власти. В то же время распространенность истории о Девочке-Луне также отражает веру людей в традиционные добродетели китайской нации, такие как трудолюбие, доброта, честность и другие, вызывая восхищение и похвалу.

В процессе взаимопроникновения драконовой культуры между различными этническими группами Китая, а также между Китаем и другими странами, Лун стал символом как добра, так и зла. Противоположные отношения к Лунам также отражают двойственное отношение людей к природе.

Заключение

В древние времена образ Луны был тесно связан с повседневной жизнью людей. В ходе длительной исторической эволюции китайская национальная культура Луна по-

степенно сформировала «сплоченную структуру». Как отмечает исследователь, «каждая культура образует сплоченную структуру, которая служит связующим элементом, и формирует основание чувства принадлежности и идентичности национального субъекта». В структуре китайской национальной культуры доминирует культ Луны, что является важным отражением длительного сосуществования и единства культурного менталитета. Это иллюстрирует сильную тенденцию китайской нации к сохранению своей идентичности и внутренней силы.

С индивидуальной точки зрения, начиная от религиозных убеждений и эстетических предпочтений и до литературных нарративов, «непрерывное присутствие» и «существенные смыслы», переданные в различных ритуалах в течение столетий, связывают культурные воспоминания, передающиеся из поколения в поколение. Драконья культура китайской нации интегрируется в личность, превращаясь в неотъемлемую часть жизненного опыта и живых воспоминаний.

С точки зрения нации в целом, культура Луны как объект коллективной идентичности китайской нации охватывает весь процесс познания географического и пространственного положения китайской нации в рамках времени, начиная от племен и «мира» до «страны». В процессе формирования образа Луна, начиная от визуальных образов до текстовых нарративов, китайская нация завершила построение собственного образа.

Сравнивая с объектами анализа культурной памяти в научных дискуссиях западных исследователей, китайская культура Луна демонстрирует культурный аспект с сильной национальной индивидуальностью. Это проявляется в тесном взаимодействии и синхронизации индивидуальной и национальной идентичности. В процессе взаимодействия и симбиоза различных элементов общая и прочная культурная вера в Луну становится духовной связью, обеспечивающей взаимопонимание внутри китайской нации. Сформированная структура памяти Луны содержит культурную память всей китайской нации, укрепляя её культурное наследие и идентичность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ассман А. Пространство памяти: формы и изменения культурной памяти (Space of Memory: Forms and Changes of Cultural Memory) / пер. с нем. Пан Лу. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2016. 151 с.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. 479 с.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.

Connerton P. How Societies Remember. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 212 p.

闻一多 [Вэнь Идуо]. 龙凤考 [Исследование Луна и Феникса] // 《闻一多全集》第一册 [первый том «Полного собрания сочинений Вэнь Идуо»] . 上海 [Шанхай]. 开明书店 [Книжный магазин Каймин]. 1948. С. 69–70 (на кит. яз.).

康澄 [Кан Чен]. 文化记忆的符号学阐释 [Семиотическая интерпретация культурной памяти] // 国外文学 [Иностранный литература]. 2018. Т. 4. С. 11–18 (на кит. яз.).

康德 [Кант И]. Критика суждения [判断力批判] / пер. с нем. Дэн Сяомана, под ред. Ян Цзутао. 北京 [Пекин]: 人民出版社 [Народное издательство]. 2002. 83 с. (на кит. яз.).

郎樱 [Лан Ин]. 东西方屠龙故事比较研究 [Сравнительно-сопоставительный анализ мифологий об убийствах Лунов в восточной и западной культурах] // 新疆大学学报 [Журнал Синьцзянского университета (издание философии и социальных наук)]. 1995. № 3. С. 56–61 (на кит. яз.).

李泽厚 [Ли Цзэху]. 美的历程 [Путешествие красоты]. 天津 [Тяньцзинь]: 天津 [社会科学出版社]. Издательство Тяньцзиньской академии социальных наук, 2012. 57 с. (на кит. яз.).

李中元 [Ли Чжунъоань]. 论中国少数民族服饰中龙纹的象征性 — 原始的自然神性 [О символике орнамента Лунов в костюмах китайских этнических меньшинств — изначальном природном божестве] // 武汉纺织大学学报 [Вестник Уханьского текстильного университета]. 2011. № 24 (01). С. 44–46 (на кит. яз.).

李永平, 樊文 [Ли Юнпин, Фань Вэнь]. 中国少数民族屠龙故事文本与禳灾传统 [Мифология об убийстве Лунов китайского меньшинства и традиции оказания помощи при стихийных бедствиях] // 民族文学研究 [Национальное исследование искусства]. 2018. № 36 (01). С. 48 — 59 (на кит. яз.).

吕敏 [Лу Мин]. 苗族龙文化的传承与审美价值 [Наследие и эстетическая ценность культуры Лунов Мяо]. // 民族艺术研究 [Национальное исследование искусства]. 2007. Т. 3. С. 52–58 (на кит. яз.).

刘志雄, 杨静君 [Лю Чжисюн, Ян Цзинжун]. 龙与中国文化 [Дракон и китайская культура]. 北京 [Пекин]. 人民出版社 [Народное издательство]. 1992, 336 с. (на кит. яз.).

黄晖 [Хуан Хуэй]. 论衡校释 (一) [Комментарий Лун Хэна (—)]. 台湾 [Тайбэй]. 商务印书馆 [Коммерческая пресса]. 1983. 1359 с. (на кит. яз.).

杨正权 [Ян Чжэнцюань]. 论西南民族龙文化 [О культуре Лунов юго-западных национальностей] // 云南学术探索 [Юньнаньское академическое исследование]. 1997. Т. 4. С. 61–65 (на кит. яз.).

REFERENCES

Assman A. *Space of Memory: Forms and Changes of Cultural Memory*. Translated from German by Pan Lu. Beijing: Peking University Press, 2016, 151 p.

Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination]. Per. s nem. M. M. Sokol'skoi. Moscow: YAzyki slavyanskoy kul'tury, 2004, 368 p. (in Russian).

Halbwachs M. *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'* [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2005, no. 2–3. P. 8–27 (in Russian).

Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i v trekh tomakh*. [Selected articles in three volumes]. Tallin: Aleksandra, 1992, vol. 1, 479 p. (in Russian).

Connerton P. *How Societies Remember*. New York: Cambridge University Press, 1989, 121 p. (in English).

Huang hui. *Lùn Héng jiàoshì* [Commentary by Long Heng]. Taipei: Commercial Press, 1983, 1359 p. (in Chinese).

Kan Cheng. *Wénhuà jìyì de fúhào xué chǎnshì* [Semiotic interpretation of cultural memory]. *Guówài Wénxué* [Foreign literature]. 2018; (04). P. 11–18 (in Chinese).

Kant I. *Pàn duàn lì pī pàn* [Critique of Judgment]. Translated from German by Deng Xiaoman, edited by Yang Zutao. Beijing: People's Publishing House, 2002, 83 p. (in Chinese).

Lang Ying. *Dōngxīfāng tú lóng gǔshì bǐjiào yánjiū* [A Comparative and Contrastive Analysis of the Mythologies of Long Killing in Eastern and Western Cultures]. *Xīnjiāng Dàxué Xuébào* [Journal of Xinjiang University (Philosophy and Social Science Edition)]. 1995; (03). P. 56–61. (in Chinese).

Li Yongping, Fan Wen. *Zhōngguó shǎoshù mínzú tú lóng gǔshì wénběn yǔ rángzāi chuántǒng* [The Mythology of Chinese Minority Long Killing and Disaster Relief Traditions]. *Mínzú Wénxué Yánjiū* [National Art Research]. 2018; 36 (01). P. 48–59 (in Chinese).

Li Zehou. *Měi de Lìchéng* [Journey of Beauty]. Tianjin: Tianjin Academy of Social Sciences Press, 2012, 57 p. (in Chinese).

Li Zhongyuan. *Lùn Zhōngguó shǎoshù mínzú fúshì zhōng lóng wén de xiàngzhēngxìng — yuánshǐ de zìrán shénxìng* [On the symbolism of the Lun ornament in the costumes of Chinese ethnic minorities — the original natural deity]. *Wǔhàn Fǎngzhī Dàxué Xuébào* [Bulletin of Wuhan Textile University]. 2011; 24 (01). P. 44–46. (in Chinese).

Liu Zhixiong, Yang Jingrong. *Lóng yǔ Zhōngguó wénhuà* [The Dragon and Chinese Culture]. Beijing: People's Publishing House, 1992, 336 p. (in Chinese).

Lu Min. *Miáozú lóng wénhuà de chuánchéng yǔ shènméi jiàzhí* [Heritage and aesthetic value of the Long Miao culture]. *Mínzú Yishù Yánjiū* [National Art Research]. 2007; (03). P. 52–58 (in Chinese).

Wen Yiduo. *Long feng kao* [A Study of Lun and Phoenix]. *Wen yi duo quan ji di yi ce* [The First Volume of the Complete Works of Wen Yiduo]. Shanghai: Kaiming Bookstore, 1948. P. 69–70 (in Chinese).

Yang Zhengquan. *Lùn xīnán mínzú lóng wénhuà* [About the culture of the Luns of the southwestern nationalities]. *Yúnnán Xuéshù Tānsuō Yunnan* [Academic Exploration]. 1997; (04). P. 61–65 (in Chinese).

Статья поступила в редакцию: 09.06.2024

Принята к публикации: 15.04.2025

Дата публикации: 30.06.2025